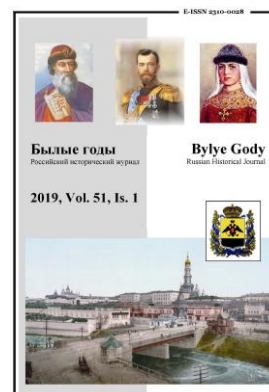

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 51. Is. 1. pp. 29-40. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.1.29
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century

Konstantin S. Zaikov ^{a, *}, Natalia S. Avdonina ^a

^aNorthern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

The article focuses on little-known pages of the northern frontier history – the Russian-Norwegian borderlands, specifically the description of the ethnic and cultural space of the Eastern, Orthodox Sami (Skolts) group in the XVIII century. Through the wide range of sources, from the Russian and Norwegian archives, the authors reconstruct the boundaries of the territorial possessions of Sami groups, and the demographics of the Skolts' pogosts. The authors explain that the status position of the village headman, as the administrative and political leader of the pogost among the skolts from the 18th century was growing. The headman served as the executive and judicial authorities of the pogost, which was encouraged by the Russian county administration. Economic activities of the Skolts could be wider than the administrative borders of the Siyits and vice versa. In this regard, the described boundaries of the pogosts in Norwegian and Russian sources is only a representation of local and regional authorities on the presence of fixed administrative and economic boundaries of collectives. This difference is due to the asymmetry in the perception of space by the semi-nomadic Sami population of the borderland and the Russian administration. The reconstruction of the demographics of the skolts demonstrates that during the XVIIIth century, there was a constant decrease in the population with the reduction of the fishing capacity, the elasticity of the economic borders and the gradual settlement of the skolts' territories by the Norwegian Sami.

Keywords: Russian-Norwegian borderland, Far North, frontier, border, Sami, Skolts.

1. Введение

Современное российско-норвежское пограничье, охватывающее Печенгский район Мурманской области и коммуны Южный Варангер губернии Финнмарк, не всегда имело четкие политические границы. До 1826 года пограничье более 500 лет представляло собой пространство с отсутствием четких политических границ – северный фронтир (Зайков, 2018а: 60-75; Vereshchagin, Zadorin, 2017: 1044-1062). Данная аномалия отчасти объяснима соседством огромной многонациональной Российской империи с малым государством – Норвегией (Troshina et al., 2018: 1125-1139; Zaikov, Troshina, 2017: 139-175; Zadorin, 2018). Кроме того, до 1814 года, несмотря на статус личной унии, Норвегия была фактически сведена до статуса провинции Датской короны (Nakken, 2000).

* Corresponding author

E-mail addresses: k.zaikov@narfu.ru (K.S. Zaikov), n.avdonina@narfu.ru (N.S. Avdonina)

Рис. 1. Карта Печенгского района Мурманской области

Рис. 2. Карта с расположением коммуны Южный Варангер губернии Финнмарк

Политико-географическая асимметрия двух неравнозначных соседей позволяла России не воспринимать норвежское соседство на Крайнем Севере как угрозу своей территориальной целостности. В то же время задача установления политических рубежей в силу отдаленности территорий, расположенных в «полярных пустынях», была хоть и важной, но, по всей вероятности, крайне непривлекательной для Российской империи на протяжении всего XVIII в. (Zaikov, Tamitskiy, 2017: 915-927; Zaikov, Tamitskiy, 2016: 621-641).

Несмотря на глубокую периферийность северного фронта по отношению к национальным и региональным центрам, еще до прихода политической власти на его территорию данное физико-географическое пространство не было пустым в этнокультурном смысле¹ (Zaikov, Troshina, 2017: 140-142; Нильсен, Зайков, 2012: 71-84). На этой территории располагались земли (сиййт/погосты) восточной православной группы саамов (скольтов (Wikan, 1995; Sergejeva, 2000: 5-37; Nielsen, 2014: 643). Будучи коренными жителями северного фронта, скольты были одними из ключевых акторов процесса формирования этнокультурного пространства и России, и Норвегии: именно их земельные владения стали ареной «битвы» двух государств в процессе очерчивания политических рубежей в начале XIX в.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе массива исторических документов, имеющих в Государственном архиве Архангельской области, Российском государственном историческом архиве,

¹ К 1613 г. территория северного фронта включала небольшой район вдоль рек Нявдема (норв. – Нейден), Паз/Паесъ (норв. – Пасвиг) и Печенга (норв.– Пейсен). В начале XIX в. эти территории частично входили в состав Кольского уезда Архангельской губернии (Российская империя), и частично – в состав провинции Финнмарк (Швеция–Норвегия).

Архиве внешней политики российской империи, Государственном архиве г. Осло (Норвегия), в том числе впервые вводимых в научный оборот. Методологическую основу анализируемого исторического материала составили мир-системный и функциональный подходы лимологии, признающие мультисубъектность и мультипространственность процесса территориализации физического пространства в исторической перспективе.

В целях изучения и реконструкции системы хозяйственных отношений саамских коллективов проводился анализ и сопоставление документов переписки чиновников Кольского уезда с администрацией Архангельской губернии, а также анализ материалов протоколов майора П. Шнитлера и статистических описаний лопарских погостов 1780-х гг.

3. Обсуждение

В историографии тема этнокультурного пространства скольтов впервые была отражена в работе норвежского историка О.А. Йонсена, который делает довольно точную реконструкцию племенных границ русских саамов посредством сопоставления данных протокола майора П. Шнитлера (середины XVIII в.) с норвежскими и шведскими картами XVIII – начала XX вв. (Johnsen, 1923: 195-200, 211-215). Работы по реконструкции границ сиййт впоследствии были продолжены антропологом В. Таннером и российским историком М.Г. Кучинским.

М.Г. Кучинский существенно дополнил исследования скандинавских исследователей анализом и составлением демографической и половозрастной структуры сиййт, а также попыткой реконструировать систему внутренних отношений в коллективах восточных саамов в хронологических рамках XVI–XVIII вв. (Tanner, 1929; Кучинский, 2008).

Отдельные аспекты хозяйственной жизни скольтов и их отношений с норвежскими и российскими подданными и властями освещены в работах антропологов В. Таннера и С. Тоннесена (Tønnesen, 1979). Норвежские историки-краеведы А. Андресен и С. ВIKAN предприняли попытку определить правовой статус земельных владений коллективов русских саамов (Andresen, 1989; Зайков, 2018b: 60-75).

В целом можно отметить, что тема изучения этнокультурного пространства восточной православной группы саамов – скольтов – остается малоизученной в современной российской историографии. Также следует добавить, что недостаток источниковой базы в попытках скандинавских историков и антропологов реконструировать этнокультурное пространство скольтов делает данные интерпретации достаточно неполными и требующими существенных дополнений. Все вышперечисленное обуславливает высокую актуальность темы изучения истории русских саамов и реконструкции пространственных измерений этнокультурного пространства скольтов.

3. Результаты

Территориально этнокультурное пространство скольтов, коренных жителей северного фронта, именовалось «сиййт». Этим термином обозначается коллектив родственников, а также территория, являющаяся их общим владением, на пространстве которой они проживают и ведут совместную хозяйственную деятельность (Tanner, 1929: 86, 338-339; Andresen 1989: 17, 20; Кучинский, 2008: 183-184). В отечественной историографии и российских исторических актах получило распространение другое наименование этнокультурного пространства саамов, а сиййтом именовался «погост» (Кучинский, 2008: 183). В период Новгородской земли «погостом» называлось место сбора дани и организации княжеского суда. По мнению некоторых исследователей, уже с раннего средневековья этот термин стал употребляться не только для обозначения фискальной податной единицы, но и для обозначения самой нижней единицы административно-территориального деления Новгородской земли. Позднее эта система была заимствована Русским государством, а затем и Российской империей (Платонова, 1984: 173-184; Кучинский, 2008: 94-96).

В норвежской историографии термин «погост» впервые употребил О.А. Йонсен. Исследователь использовал определение, данное в «Словаре областного архангельского наречия» А.О. Подвысоцкого, по которому «погостом» обозначалась зимняя деревня русских саамов (Кучинский, 2008: 95). Однако из русских источников XVI–XIX вв. известно, что архангельские и кольские власти не проводили жесткой фиксации административного центра только лишь к зимним поселениям скольтов. Церковные и светские власти России «погостом» равнозначно именовали и сиййт, и зимнюю, и летнюю деревни, куда в XIII–XV вв. приезжали сборщики дани, а с XVI в. – чиновники местной администрации для сбора налогов и разбора судебных дел (Кучинский, 2008). В Норвегии «сиййт» скольтов называли «бу», что схоже современному в норвежском языке понятию «bygda» – деревня (Wikan, 1995: 113; Hansen, 1996: 54).

Система управления сиййтом

Высшим законодательным и административным органом управления у саамов был совет старейшин сиййта «погаз». У скольтов данный совет именовался «соббар» (Solem). Схожий орган административного управления – «собор» – был и у русской православной церкви, который, по мнению археолога Б. Ульсена, был заимствован саами у РПЦ (Olsen, 1987: 65-80). «Соббар» принимал важнейшие административные решения по вопросам внутренней политики сиййта, т.е. по

распределению и наследованию угодий между членами коллектива, а также по вопросам «внешней политики», заключению договоров об изменении границ между сиййтами, сдачи в аренду или продажи угодий, торговле и порядку выплаты налогов колониальным властям (Andresen, 1989: 23).

Исследователь С. Викакан полагает, что глава соббара скольтов – староста, как и у норвежских саами “oaiv olmmai” или по-норвежски “lensmann”, был лицом, представляющим верховную власть сиййта, выбираемого из людей старшего поколения (Wikan, 1995: 14). Однако российский исследователь М.Г. Кучинский свидетельствует, что старосты восточных саамов, в том числе и скольтов, выбирались из молодых членов коллектива в возрасте 30 лет. Они выполняли функцию временного представителя сообщества перед администрацией и реальной власти не имели (Кучинский, 2008: 135). Наиболее важную позицию в сиййте скольтов, пишет М.Г. Кучинский, занимали выборные лица – *посыльщики*, отправляемые сиййтом для переговоров с российскими и норвежскими властями, которых исследователь называет «возможными реальными лидерами сообщества» (Кучинский, 2008: 136).

Материалы о промысловых спорах и различных административных делах XVIII – начала XIX вв. подтверждают предположение о широком распространении института *посыльщиков* в Пазрецьком и Печенгском погостах. В Нявдемском погосте наиболее сильным был институт старосты¹. В первых двух названных погостах *посыльщиками* выступали выборные из глав семей коллектива. Вместе со старостой они выполняли функции представителей сообщества в общении с администрацией, давали показания и визировали вместе со старостой все документы (ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 1356. Л. 1-11; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 8. Д. 342 Л. 5-5 об.; ГААО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 273; ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 125, 127, 129). Определить их степень подчинения по отношению друг к другу представляется затруднительной задачей. Автор полагает, что они могли быть неким институтом надзора над старостой, выбираемым соббаром, при общении с русской администрацией. Для русской администрации староста был не просто посредником в общении между погостом и государственной властью – он был единственным носителем функций исполнительной и судебной власти погоста. Мы полагаем, что его статусная позиция как административного и политического лидера погостов скольтов с XVIII в. стала усиливаться. Дело в том, что введенные Петром I подушная подать и коллективная фискальная ответственность за уплату налогов и несение государственных повинностей стимулировали развитие самоуправления на локальном уровне, сопровождаемое делегированием управленческих и судебных функций локальным сообществам (Кучинский, 2008: 144). В этом смысле централизация власти погоста в руках старосты была выгодна русским властям, что обуславливалось практическими соображениями и дефицитом кадровых ресурсов в администрации Кольского уезда. Поэтому институт старост фактически замещал дефицит управленческих кадров уезда. Поощряемая русской администрацией централизация власти в руках старосты противоречила демократической традиции сообщества, в связи с чем необходимость в надзоре над старостой в лице специального института *посыльщиков*, безусловно, была.

Границы сиййтов скольтов

Согласно протоколу майора П. Шнитлера самым западным сиййтом общих российско-норвежских владений был округ Нейден (Нявдемский погост / сиййт) (Hansen, Schmidt, 1985, 69-70). Он являлся владением двоеданных нейден (нор.) или нявдемских (рус.) скольтов. На северо-западе от м. Верес-Наволоок (Bug) вниз вдоль правого берега Верес губы (Bugøyfjord) до г. Колмись Ойве (Golmas Øive Madakijtza) она граничила с сиййтом частных, то есть находящихся лишь под юрисдикцией Норвегии, варангерских саамов (Nissen, Kvamenb 1962: 348; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6490; ГААО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3; ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512; RA/EA-4036/F/L0002). Эта группа саамов делилась на горных, занимающихся преимущественно оленеводством, и морских, которые занимались морскими рыбными промыслами на побережье варангерского залива (Hansen, Schmidt, 1985: 56-57).

¹ О привилегированном положении старосты писал профессор Ратке, посетивший погост в 1802 г. во время поездки по Восточному Финнмарку

Рис. 3. Карта трех саамских сиййтов, составлявших «общие округа» Норвегии и России в XVII – нач. XIX вв.

1 – Нявдемский сиййт, 2 – Пазрецький сиййт, 3 – Печенгский сиййт

На юго-западе от о. Ии Ярве (Ji Jaure) до г. Рейса (Reisegieg) Нявдемский сиййт граничил с троеданными Энаре саамами, платившими дань датской, шведской и российской коронам, но находящимся под юрисдикцией Швеции. На севере от г. Рейса вдоль горной гряды Вакиер (Vakier) до Косой губы (Korsfiord) и далее на о. Шалим (Skogerøy) он граничил с округом Пасви́г, территория которого была владением двоеданных пасви́г (нор.) или пазрецьких (рус.) скольтов (Пазрецький погост / сиййт) (Hansen, Schmidt, 1985; ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512).

Пазрецький погост на юге от г. Рейса до притока р. Паз (Pasvig) Гельсомио (Gelsomio) граничил с Энаре саамами и далее на юго-востоке от Гельсомио до тайболы Вассенене у южного окончания гряды Печенгских гор (Peisen fjeldene) с российскими сонгельскими саамами. На юго-востоке и востоке вдоль Печенгских гор и левого берега р. Ворьемы (Jacobs elv) до побережья Варангер фиорда располагалась граница с округом Пейсен, территория которого была владением двоеданных пейсен (нор.) или печенгских (рус.) скольтов (Печенгским погостом / сийитом) (Hansen, Schmidt, 1985).

Печенгский погост на юге от т. Вассенене до южного окончания гряды Моткинских гор (Muotkafjeldene) граничил с российскими сонгельскими саамами. На востоке вдоль Моткинских гор и на полуострове Рыбачьем располагалась межа с российским моткинским погостом (Hansen, Schmidt, 1985).

В норвежской и российской историографии сложилась традиция жесткой фиксации границ «общих округов» (норвежское наименование северного фронта) с границами сиййтов скольтов (Andresen, 1989; Wikan, 1995; Johnsen, 1923; Roginsky, 2005: 162-168). М.Г. Кучинский, сравнив документы, касающиеся описания территорий сиййтов восточных саамов XVI – первой половины XVIII вв., пришел к выводу о достаточной стабильности границ сиййтов. Сопоставление более широкого круга источников по отдельным сообществам, в нашем случае сиййтов скольтов, дает иную картину по границам сиййтов XVIII в. Несовпадение друг другу норвежских, шведских и российских карт и сведений XVIII – начала XIX вв. о границах погостов, которые авторы документов пытались совместить с административными границами сиййтов, свидетельствуют о подвижности границ хозяйственных владений коллективов саамов, по крайней мере отдельных сиййтов скольтов (Hansen, Schmidt, 1985, RA/EA-4036/F/L0002; RA/EA-4036/F/L0002; Pontoppidan, 1795; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6490; ГААО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3; ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512).

Картографы и чиновники XVIII в., зачастую приняв описанные в ранних исследованиях границы за объективный факт, просто копировали эти сведения в свои работы. В 1745 г. майор П. Шнитлер, составляя описание границ сийитов скольтов «общих округов», использовал данные архива губернатора Финнмарка. К этим материалам относились описания общих округов, составленные губернатором Х. Лиленшельдом и фогдом Н. Кнагом в конце XVII – начале XVIII вв. (Hansen, Schmidt, 1985; Nissen, Kvamen, 1962; Brock, Solberg, 1938; Solberg, 1945). Идентичная картина присутствует с описаниями и картами лейтенанта Х.Ф. Бредаля и картографа Х. Понтопидана в конце XVIII в. Оба исследователя брали за основу экзаменационный протокол и карту, составленные П. Шнитлером (RA/EA-4036/F/L0002; Pontoppidan, 1795). Распространенным явлением было также использование показаний лишь одной из групп саамов. Шведский картограф Т.Г.Х. Кнофф, составивший карту «общих округов» в 1750 г., опирался на показания варангерских саамов. Поэтому уже на карте его современника П. Шнитлера, который использовал более широкий круг источников, мы можем наблюдать существенные отличия в отображении линий границ округа Нейден.

На карте Ганса Кноффа пространство от г. Верес до левого берега Верес Губы, включая о. Чий, Шалим – это часть территории норвежских варангерских саамов. На карте П. Шнитлера граница округа Нейден расположена северо-западнее, и все указанное на карте Т.Г.Х. Кноффа пространство приписано к округу Нейден. Российские описания погостов 1763 и 1795 гг. с некоторыми отклонениями совпадают с данными карты П. Шнитлера. Это позволяет нам предположить некоторую недостоверность сведений карты Ганса Кноффа¹ (Nissen, Kvamen, 1962: 347-348; Johnsen, 1923; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6490; ГААО Ф. 4. Оп. 7. Д. 512).

Сравнение этих документов с норвежскими данными XIX в. и российскими свидетельствами иллюстрирует еще большие отличия в пространственном распределении границ погостов (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6490; ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512; D-RA/S-1076/F/Fb/L0001; RA/EA-4036/H/Hc/L0020; РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 1). Расположения отдельных участков границ округов в российских свидетельствах не соответствовали позднему норвежским данным, и со временем показания норвежских и русских саамов о границах сийитов тоже менялись. Расхождения в сведениях о границах могли быть основаны на том, что норвежские, шведские и русские чиновники использовали различные источники информации. При этом нельзя забывать, что носители информации были и активными хозяйствующими субъектами на исследуемой территории. Безусловно, они были заинтересованы исказить в свою пользу информацию об исследуемой администрацией территории, так как взаимодействие соседствующих коллективов сопровождалось острой борьбой и конкуренцией за ресурсы. Большое количество промысловых споров скольтов с норвежскими и финскими саамами в XVIII–XIX вв., которые отмечал еще О.А. Йонсен, подтверждают это (Johnsen, 1923: 211). В такой ситуации российская администрация обладала мощным ресурсом, который позволял решить сложный хозяйственный конфликт в свою пользу. К примеру, северо-западный рубеж Нявдемского погоста в протоколе майора П. Шнитлера начинался от м. Верес и проходил вниз по левому берегу Верес губы (Nissen, Kvamen, 1962: 348). Эти сведения он получил от русских, нявдемских, саамов, но в начале XIX в. норвежские, морские саамы утверждали, что рубеж их погоста с Нявдемским сийитом проходит по правому берегу Верес Губы (D-RA/S-1076/F/Fb/L0001). Отметим, что нявдемские саамы в 1795 г. и позднее в 1823–1824 гг. подтвердили, что их северо-западный рубеж проходит от м. Верес и вниз по левому берегу губы, как это было указано в протоколе П. Шнитлера (ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512; ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87. Ч. I. Л. 79 об.-80).

Данный фрагмент иллюстрирует факт, что во второй половине XVIII в. наблюдалось смещение хозяйственных границ Нявдемского погоста. Норвежский историк С. Викан сообщает, что население этого сийита значительно сократилось в XVIII в., и коллектив не мог самостоятельно контролировать границы погоста. В то же время О.А. Йонсен пишет, что с 1730-х гг. морские саамы стали селиться за м. Верес-Наволок (Wikan, 1995: 45-46; Johnsen, 1923: 211-215). Учитывая эти факты, можно сделать вывод, что морские саамы решили легитимировать сложившиеся хозяйственные границы, дав ложные показания об административных границах их сийита Томасу Кноффу и позднее норвежским членам комиссий Финансового департамента и Стортинга². Это говорит нам, что с течением времени хозяйственно-административные границы сийитов скольтов изменялись под влиянием внутренних и внешних факторов.

Дело в том, что хозяйственная жизнь у коллектива родственников носила экстенсивный характер и была сосредоточена на конкретных, богатых природными ресурсами территориях. В результате истощения угодий набор используемых ландшафтов менялся. Часто коллектив родственников мог свободно перемещаться в районы соседствующих сийитов и там по договоренности с соседствующим коллективом вести совместную хозяйственную деятельность (Johnsen, 1923: 209-219; Lunde, 1979: 120-121). Более того, известно, что соседствующие коллективы вступали в договоры о совместных промыслах и могли иметь даже промысловые владения на

¹ RiksArk kartsamling Finnmark MK 1.

² Эти данные были отображены на карте Вибге-Бирха 1824 г., подготовленной на основе материалов, собранных комиссиями Стортинга и Финансового департамента и на карте Галямина – Спорка 1825 г. – RA/UD, Prebensen samling, G05/10/boks 5205

соседствующей территории. Такие соглашения существовали между нявдемскими и пазрецкими саамами. Названные коллективы активно кооперировались в летних промыслах на острове Шалим и имели тесные родственные связи¹. Это также нашло отражение в изменении общей границы сиййтов. В середине XVIII в. нявдемские саамы утверждали, что их общий рубеж с пазрецкими саамами на северо-востоке лежит вдоль левого берега о. Шалим. В 1795 г. оба коллектива свидетельствовали, что их общий рубеж располагался вдоль срединной линии указанного острова (ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512. Л. 21-22). В данном случае коллектив нявдемских саамов уступил часть своей территории в пользу пазрецких саамов. Этот эпизод снова иллюстрирует смещение хозяйственных и административных границ погостов.

Образ жизни скольтов

Отличительной чертой скольтов от западных, варангерских, саамов была низкая доля домашнего оленеводства в хозяйстве коллектива. По данным исправника Артемия Постникова на 1823 г. наибольшее количество оленей имели печенгские и нявдемские саамы в общем размере 600 голов (ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 1) Л. 56-59). По типу хозяйства их можно отнести к охотникам-рыболовам. В зависимости от времен года они кочевали по территории сиййта для занятия различными промыслами: с мая по сентябрь – на берега Варангерского залива для ловли рыбы (семга, треска, палтус, мойва, сельдь, сайда) и торговли с датско-норвежскими и русскими промышленниками; с сентября по декабрь и весной с марта по май – во внутренние владения для пастьбы скота (оленей, овец) и охоты (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 129; ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 125; ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 127). Зимой члены коллектива сиййта собирались в зимней деревне и проводили время за изготовлением одежды, сетей, звериных ловушек и судов. В зимнее время, когда коллектив был вместе, скольты решали административно-хозяйственные вопросы. Границы коллективных владений скольтов определялись районами наследственных угодий, расположенных в округе летних и зимних погостов сиййта² (Andresen, 1989). Наиболее важными были семужьи, сельдяные и охотничьи угодья и районы выпаса скота. Доступ к стратегическим ресурсам и их запас в большинстве случаев определял политическое поведение скольтов в отношении датско-норвежских подданных и русских властей. Фискальная политика Норвегии и России также влияла на набор наиболее важных угодий. Дела по промысловым спорам с датско-норвежской и российской сторонами позволяют нам точно реконструировать характерный набор стратегических ресурсов для каждого сиййта (АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 701; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9571; ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512; ГААО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 642; АВПРИ. Ф. 1. Адм. дела. II-6. Д. 75. Ч. I. Л. 140-145; ГААО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 273; Nissen, Kvamen, 1962; Hansen, Schmidt, 1985).

Среди них можно выделить наиболее важный ресурс всех трех сиййтов – это семужий промысел. Район лова семги со специальными местами для ловли – тонями – передавался по наследству, и в течение XVIII в. неизвестно ни одного факта передачи семужьих тоней в аренду пришлым русским или датско-норвежским подданным. Второй ресурс – это речная и озерная рыба во внутренних районах сиййта, по берегам рек и в речных долинах, куда, кроме чиновников, не допускались датско-норвежские и русские подданные. Охотничьи угодья простирались вдоль берега от южного побережья Верес губы до полуострова Рыбачий. Сосновый лес тянулся вдоль побережья рек Нявдема, Паз и Печенга. Отдельным стратегическим ресурсом для пазрецких саамов являлись тресковые угодья в губах Пазрецкая и Ровдинская. Для печенгских саамов значимым стал промысел рыбы – «песчанки» – в устье р. Ворьемы. Равноценным ресурсом для печенгских и пазрецких саамов были районы пастьбы оленей, располагавшихся от о. Шалим и далее вдоль юго-восточного побережья Южного Варангера до полуострова Рыбачий. Пределы стратегических угодий формировали административные границы сиййта. Отдельные промыслы, которые не имели большого экономического значения, формировали хозяйственные границы сиййта, более гибкие, чем административные. В целом образ жизни скольтов можно определить как полусоседный, потому как сезонные миграции коллектива были территориально ограничены.

В течение XVIII–XIX вв. расположение летних и зимних деревень Нейден, Пасвиг и Пейсен саами менялось несколько раз. Из сведений, собранных Кольской администрацией в 1782–1785 гг. известно, что летние деревни печенгских саамов находились на юго-западном побережье п-ова Рыбачий и у устья р. Ворьема (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 125; ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512. Л. 21-23). У пазрецких саамов зимняя деревня находилась на правом берегу р. Паз, недалеко от церкви Бориса и Глеба, летние находились в устье р. Паз и на о. Шалим (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 127). Зимняя деревня нявдемских саамов располагалась в среднем течении р. Нявдема и на о. Чеветь, летом, когда они уходили на рыбалку, деревня перемещалась на о. Шалим (ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 129).

¹ В налоговых регистрах обоих погостов встречаются члены коллектива с одинаковыми фамилиями, что свидетельствует о межсиййтовых браках. Nissen, Kvamen 1962, Vol. I.

² Там же.

Демографическая структура сиййтов скольтов

Исследователь С. Викаан полагает, что с конца XVII в. популяция нявдемских саамов начала неуклонно падать, поэтому столь обширная территория не могла контролироваться одним лишь коллективом погоста. Дело в том, что норвежские саамы стали беспрепятственно расширять район оленьей пастбы и переходить к постоянному проживанию на территории погоста, усиливая постепенно хозяйственное давление и провоцируя конфликты с русскими саамами, что в будущем станет одним из формальных поводов к началу переговоров о разграничении северного фронта (Wikan, 1995: 45).

Гипотеза демографического спада имеет рациональное обоснование, хотя и возникает закономерный вопрос: было ли это явление характерным лишь для нявдемских саамов или такая тенденция характерна для всех трех сиййтов скольтов?

Гипотезу демографического спада развили историки О.А. Йонсен, С. Викаан и А. Андресен (Johnsen, 1923; Wikan, 1995; Andresen, 1983, 1989). Норвежские исследователи, используя посемейную систему подсчета населения сиййтов, которая практиковалась норвежскими налоговыми органами в XVI–XVIII вв., пришли к выводу о демографическом кризисе Нявдемского погоста.

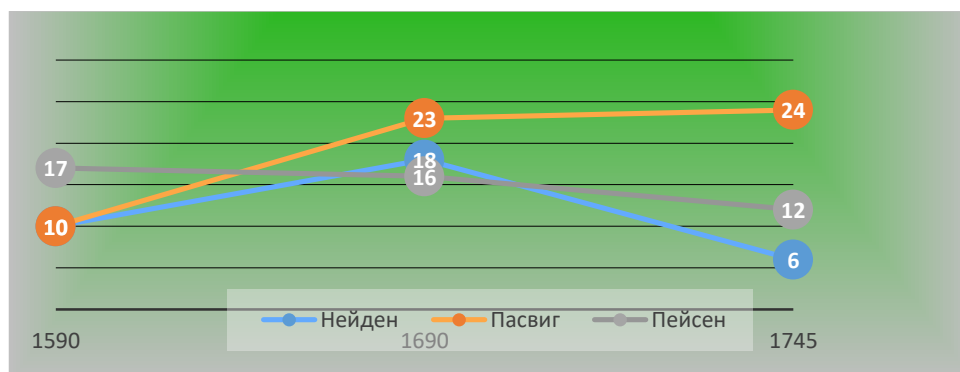

Рис. 4. Численность скольтов в конце XVI – первой половине XVIII вв., по данным О.А. Йонсена

Посемейный подсчет популяции скольтов имеет существенный недостаток – низкую количественную репрезентативность (Johnsen, 1923: 200-202). М.Г. Кучинский, использовавший в своей работе об исторической реконструкции сиййтов также и подушевой метод подсчета, обнаружил расхождение данных о количестве семей и веж с данными о количестве мужских и женских индивидов коллектива в сторону уменьшения первых (Кучинский 2008: 176-182). Также следует отметить наличие очевидных ошибок в сведениях о численности населения Пасвиг сиййта, представленных А. Андресен.

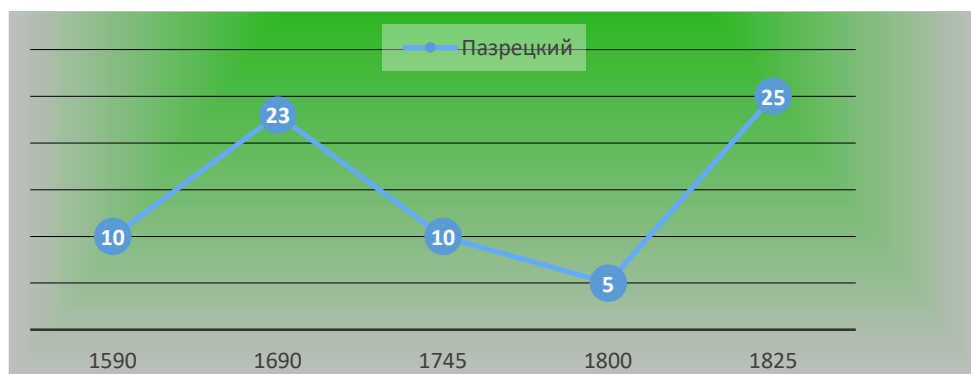

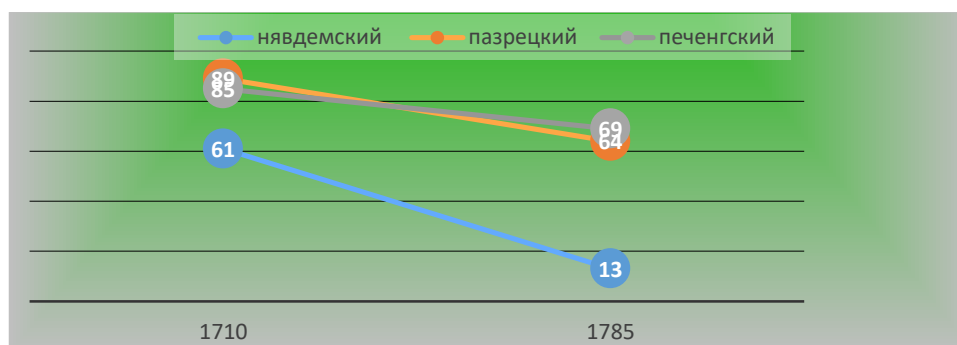
Рис. 5. Численность коллектива Пазрецького сиййта (по данным А. Андресен)

Взяв за основу исследование О.А. Йонсена при описании состава коллектива за 1745 г., исследовательница учла только семьи богатых саамов в сумме 10 единиц, упустив из виду семьи бедных саамов – 14 единиц (Andresen, 1983; Hansen, Schmidt, 1985: 74). Далее А. Андресен указала, что в 1800 г. численность Пазрецьких саамов была лишь 5 семей, а всего через 25 лет в 1825 г. она уже составляла 25 семей, то есть увеличилась в 4 раза (Andresen, 1983).

Российские источники XVIII – начала XIX вв., содержащие данные о количестве мужского и женского населения, говорят следующее: в 1710 г. в Нявдемском погосте числились 29 душ мужского пола и 32 женского, в Пазрецьком – 49 и 40, в Печенгском – 43 и 42 соответственно (Кучинский, 2008:

101–103; ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 705. Л. 13). Всего в первой половине XVIII в. численность скольтов всех трех погостов составляла 235 человек.

Рис. 6. Динамика численности погостов скольтов XVIII в. по русским источникам

Дальнейшая подушная перепись, проведенная в погостах скольтов в 1785 г., указывает, что население трех погостов после 1710 г. стремительно сокращалось. В Нявдемском погосте проживало лишь 8 душ мужского пола и 5 женского, в Пазрецком погосте – 30 мужского и 34 женского, в Печенгском погосте – 31 мужского и 38 женского (ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 705. Л. 2-3). Всего население трех погостов составляло 146 человек. К началу XIX в. общая численность скольтов уменьшилась почти наполовину, а численность коллектива Нявдемского погоста с 61 в 1710 г. до 13 человек в 1785 г., то есть почти в 4 раза. Таким образом, гипотеза демографического спада в XVIII в. подтверждается. Данное явление было характерно не только для Нявдемского погоста, но и для всех погостов скольтов.

4. Заключение

Анализ российских и норвежских источников, позволяющий реконструировать этнокультурное пространство скольтов в XVIII в., свидетельствует, что пределы хозяйственной деятельности коллективов российских саамов могли быть шире административных границ сийитов и наоборот. Поэтому описываемые границы погостов в норвежских и российских источниках – это лишь представление местной государственной власти о наличии фиксированных административно-хозяйственных границ, представление, привычное для пространственного мышления оседлого населения. В связи с этим можно заключить, что оперирование лишь одним источником-протоколом П. Шнитлера или одной группой источников для реконструкции границ сийитов скольтов, характерное для работ О.А. Йонсена и В. Таннера, – А ошибочный подход. Оно формирует искаженную картину этнокультурного пространства скольтов и динамику хозяйственных отношений коллективов. Границы владений сийита определялись экономическими факторами. Поэтому изменение характера экономической эксплуатации, расширение деятельности внешних экономических субъектов на территории сийитов, безусловно, вело к изменениям административных границ.

Сравнив документы XVIII – начала XIX вв., можно зафиксировать эти изменения. К ним могут быть отнесены изменение северо-западной границы Нявдемского сийита с западного берега Верес губы на восточный к началу XIX в., а также изменение общей границы Нявдемского и Пазрецкого сийитов на о. Шалим с восточного побережья острова на серединную линию острова к концу XVIII в. Границы Печенгского сийита оставались стабильными весь изучаемый период.

5. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10198 «Политические и этнокультурные границы Российской Арктики: от концептуализации к реконструкции процесса пространственной социализации»).

Литература

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
 ГААО – Государственный архив Архангельской области.
 Зайков, 2018a – Зайков К.С. Российско-норвежское пограничье в зарубежной историографии XX – начала XXI вв. // *Арктика и Север*. № 30. С. 60-75.
 Зайков, 2018b – Зайков К.С. Российско-норвежское пограничье в отечественной историографии XIX – начала XXI века // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки*. № 2. С. 27-39.
 Кучинский, 2008 – Кучинский М.Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII веках. Модель социальной структуры, Альта.

- Нильсен, Зайков, 2012 – Нильсен Й.П., Зайков К.С. Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к поморской зоне // *Арктика и Север*. № 5. С. 71-84.
- Платонова, 1984 – Платонова Н.И. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода (к проблеме формирования административной структуры), Археологические исследования Новгородской земли, Ленинград. С. 173-184.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Andresen, 1983 – Andresen A., Russiske Østsamers Rettigheter i Norge 1826–1925. Myndighetspolitikk og Rettighetsproblematikk. Hovedoppgave i Historie, Tromsø.
- Andresen, 1989 – Andresen A., Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826, Kirkenes.
- Brock, Solberg, 1938 – Brock U.M., Solberg O. Finnmark omkring 1700, hefte 1. Nordnorske Samlinger I, Oslo.
- D-RA – the Danish National Archive.
- Hansen, 1996 – Hansen L.I. Interaction between Northern European Sub-Arctic Societies during the Middle Ages. Indigenous Peoples, Peasants and State Builders, Two Studies on the Middle Ages, Ed. by M. Rindal. KULTs Skriftserie, no. 66, pp. 31–95.
- Hansen, Schmidt, 1985 – Hansen L.I., Schmidt T. Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742-1745, Oslo, vol. III.
- Johnsen, 1923 – Johnsen O.A. Finmarkens politiske historie, aktmæssing fremstillet, *Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. Klasse*, Kristiania.
- Lunde, 1979 – Lunde A. Sør Varanger Historie Med bidrag av Povl Simonsen og Ørnulv Vorren, Vadsø.
- Nakken, 2000 – Nakken A. Sentraladministrasjonen i København og sentralorganer i Norge 1660–1814, Oslo.
- Nielsen, 2014 – Nielsen J.P. Russland kommer nærmere: Norge og Russland, 1814–1917. Oslo. P. 643.
- Nissen, Kvamen, 1962 – Nissen K., Kvamen I. Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745, vol. I, Oslo.
- Olsen, 1987 – Olsen B. Stability and Change in Saami Band Structure in Varanger Area of Arctic Norway, AD 1300–1700, *Norwegian Archaeological Review*, no. 2, vol. 20, pp. 65-80.
- Pontoppidan, 1795 – Pontoppidan C.J. Geographisk Oplysning til Cartet over det nordlige Norge: i tvende Afdeeler: uddragne af de bedste til Cartet brugte locale Efterretninger, København.
- RA – the Norwegian National Archive.
- Roginsky, 2005 – Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: a Diplomatic Challenge, *Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders*, Ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen, Moscow, pp. 162-168.
- Sergejeva, 2000 – Sergejeva Je. The Eastern Sami: a short account of their history and identity. *Acta Borealia*. No. 17(2). pp. 5–37.
- Solberg, 1945 – Solberg O. Lilienskiolds Speculum Boreale II. I Finnmark omkring 1700. Nordnorske Samlinger IV og VII, bind 3, Oslo.
- Solem – Solem E. 1933/1970. Lappiske Rettsstudier. Institutt for Sammenlignede Kulturforskning. Serie B, Skrifte XXIV. Oslo.
- Tanner, 1929 – Tanner V. Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. I. Skolt – Lapparna, Helsingfors.
- Tønnesen, 1979 – Tønnesen S. Retten til jorden i Finnmark, Bergen.
- Troshina et al., 2018 – Troshina T.I., Avdonina N.S., Zadorin M.Yu. «The Last Frontier of the Russian Civilization»: the Economic and Demographic Aspects of the Territorial Integrity of the State in the Far North-East // *Bylye Gody*. 49(3). 1125-1139.
- Vereshchagin, Zadorin, 2017 – Vereshchagin I.F., Zadorin M.Y. Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: the end of XIX – the beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press) // *Bylye Gody*. 45(3). 1044-1062
- Wikan, 1995 – Wikan S. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene, Svanvik.
- Zadorin, 2018 – Zadorin M. The doctrine of “common territory” versus “terra nullius”: political geography in the political and legal context of Spitsbergen’s status in the late 19th century // *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.* 180 012002. [Electronic resource]. URL: <http://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/180/1/012002>.
- Zaikov, Tamitskiy, 2016 – Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809-1855 // *Bylye Gody*. 41(3). 621-641.
- Zaikov, Tamitskiy, 2017 – Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Lapp Crafts In The History Of The Russian-Norwegian Borderland In 1855-1900 // *Bylye Gody*. 45(3). 915-927.
- Zaikov, Troshina, 2017 – Zaikov K., Troshina T. Local Society Between Empire And Nation-State: The Russian-Norwegian Borderland In The Context Of Bilateral International Relations In The Far North, 1855-1905 // *Ab Imperio*. № 4. 139-175.

References

- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].
- GAAO** – Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [State Archive of the Arkhangelsk Region].
- Kuchinskii, 2008 – Kuchinskii M.G. (2008). *Saami Kol'skogo uezda v XVI–XVIII vekakh. Model' sotsial'noi struktury* [The Sami of the Kola district in XVI – XVIII centuries. Social structure model], Al'ta. [in Russian]
- Nil'sen, Zaikov, 2012 – Nil'sen I.P., Zaikov K.S. (2012). Norvezhsko-rossiiskoe arkticheskoe pogranch'e: ot obshchikh okrugov k pomorskoj zone [The Norwegian-Russian Arctic frontier: from general districts to the Pomor region]. *Arktika i Sever*, nr. 5, pp. 71-84. [in Russian]
- Platonova, 1984 – Platonova N.I. (1984). Pogosty i volosti severo-zapadnykh zemel' Velikogo Novgorod (k probleme formirovaniya administrativnoi struktury), *Arkheologicheskie issledovaniya Novgorodskoi zemli* [Pogosty i volosti severo-zapadnykh zemel' Velikogo Novgorod (k probleme formirovaniya administrativnoi struktury), *Arkheologicheskie issledovaniya Novgorodskoyo zemli*], Leningrad. pp. 173-184. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Zaikov, 2018a – Zaikov K.S. (2018). Rossiisko-norvezhskoe pogranch'e v zarubezhnoi istoriografii XX – nachala XXI vv. [Russian-Norwegian frontier in foreign historiography of the twentieth – early XXI centuries]. *Arktika i Sever*, nr. 30, pp. 60-75. [in Russian]
- Zaikov, 2018b – Zaikov K.S. (2018b). Rossiisko-norvezhskoe pogranch'e v otechestvennoi istoriografii XIX – nachala XXI veka [Russian-Norwegian frontier in the national historiography of the twentieth - early XXI centuries]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, nr. 2, pp. 27-39. [in Russian]
- Andresen, 1983 – Andresen A. (1983). Russiske Østsamers Rettigheter i Norge 1826–1925. Myndighetspolitikk og Rettighetsproblematikk. Hovedoppgave i Historie, Tromsø.
- Andresen, 1989 – Andresen A. (1989). Siidaen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826, Kirkenes.
- Brock, Solberg, 1938 – Brock U.M., Solberg O. (1938). Finnmark omkring 1700, hefte 1. Nordnorske Samlinger I, Oslo.
- D-RA** – the Danish National Archive.
- Hansen, 1996 – Hansen L.I. (1996). Interaction between Northern European Sub-Arctic Societies during the Middle Ages. Indigenous Peoples, Peasants and State Builders, Two Studies on the Middle Ages, Ed. by M. Rindal. *KULTs Skriftserie*, no. 66, pp. 31–95.
- Hansen, Schmidt, 1985 – Hansen L.I., Schmidt T. (1985). Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742-1745, Oslo, vol. III.
- Johnsen, 1923 – Johnsen O.A. (1923). Finnmarkens politiske historie, aktmæssing fremstillet, Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. Klasse, Kristiania.
- Lunde, 1979 – Lunde A. (1979). Sør Varanger Historie Med bidrag av Povl Simonsen og Ørnulv Vorren, Vadsø.
- Nakken, 2000 – Nakken A. (2000). Sentraladministrasjonen i København og sentralorganer i Norge 1660–1814, Oslo.
- Nielsen, 2014 – Nielsen J.P. (2014). Russland kommer nærmere: Norge og Russland, 1814–1917. Oslo. P. 643.
- Nissen, Kvamen, 1962 – Nissen K., Kvamen I. (1962). Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742–1745, vol. I, Oslo.
- Olsen, 1987 – Olsen B. (1987). Stability and Change in Saami Band Structure in Varanger Area of Arctic Norway, AD 1300–1700, *Norwegian Archaeological Review*, no. 2, vol. 20, pp. 65-80.
- Pontoppidan, 1795 – Pontoppidan C.J. (1795). Geographisk Oplysning til Cartet over det nordlige Norge: i tvende Afdeeler: uddragne af de bedste til Cartet brugte locale Efterretninger, Kiøbenhavn.
- RA** – the Norwegian National Archive.
- Roginsky, 2005 – Roginsky V.V. (2005). *The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: a Diplomatic Challenge, Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders*, Ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen, Moscow, pp. 162-168.
- Sergejeva, 2000 – Sergejeva Je. (2000). The Eastern Sami: a short account of their history and identity. *Acta Borealia*, nr. 17 (2), pp. 5–37.
- Solberg, 1945 – Solberg O. (1945). Lilienskiolds Speculum Boreale II. I Finnmark omkring 1700. Nordnorske Samlinger IV og VII, bind 3, Oslo.
- Solem – Solem E. 1933/1970. Lappiske Rettsstudier. Institutt for Sammenlignende Kulturforskning. Serie B, Skrifte XXIV. Oslo.
- Tanner, 1929 – Tanner V. (1929). Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. I. Skolt – Lapparna, Helsingfors.
- Tønnesen, 1979 – Tønnesen S. (1979). Retten til jorden i Finnmark, Bergen.
- Troshina et al., 2018 – Troshina T.I., Avdonina N.S., Zadorin M.Yu. (2018). «The Last Frontier of the Russian Civilization»: the Economic and Demographic Aspects of the Territorial Integrity of the State in the Far North-East. *Bylye Gody*, 49(3), pp. 1125-1139.

Vereshchagin, Zadorin, 2017 – Vereshchagin I.F., Zadorin M.Y. (2017). Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: the end of XIX – the beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press). *Bylye Gody*, 45(3), pp. 1044-1062.

Wikan, 1995 – Wikan S. (1995). Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene, Svanvik.

Zadorin, 2018 – Zadorin M. (2018). The doctrine of “common territory” versus “terra nullius”: political geography in the political and legal context of Spitsbergen’s status in the late 19th century // *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.* 180 012002.

Zaikov, Tamitskiy, 2016 – Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. (2016). Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809-1855. *Bylye Gody*, 41(3), pp. 621-641.

Zaikov, Tamitskiy, 2017 – Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. (2017). Lapp Crafts In The History Of The Russian-Norwegian Borderland In 1855-1900. *Bylye Gody*, 45(3), pp. 915-927.

Zaikov, Troshina, 2017 – Zaikov K., Troshina T. (2017). Local Society Between Empire And Nation-State: The Russian-Norwegian Borderland In The Context Of Bilateral International Relations In The Far North, 1855-1905. *Ab Imperio*, nr. 4, pp. 139-175.

Этнокультурное пространство восточных саамов (скольтов) северного фронта России и Норвегии – Дании в XVIII в.

Константин Сергеевич Зайков ^{a, *}, Наталья Сергеевна Авдонина ^a

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена малоизвестным страницам истории северного фронта – российско-норвежского пограничья, а именно описанию этнокультурного пространства восточной, православной группы саамов (скольтов) в XVIII в. На основе широкого комплекса источников, из архивов России и Норвегии авторы реконструируют границы территориальных владений саамских коллективов, их половозрастную структуру, а также демографическую ситуацию в погостах скольтов.

Авторы статьи демонстрируют, что статусная позиция старосты коллектива как административного и политического лидера погоста среди скольтов с XVIII в. стала усиливаться. Институт старост стал носителем функций исполнительной и судебной власти погоста, что поощрялось российской уездной администрацией.

Пределы хозяйственной деятельности коллективов скольтов, могли быть шире административных границ сийтов и наоборот. В связи с этим описываемые границы погостов в норвежских и российских источниках – это лишь представление локальной и региональной власти о наличии фиксированных административно-хозяйственных границ коллективов. Данное различие обусловлено асимметрией в восприятии пространства полукочевым саамским населением пограничья и российской администрацией.

Реконструкция демографической ситуации в коллективах скольтов свидетельствует, что в течение XVIII в. наблюдалось постоянное снижение популяции коллективов, сопровождавшееся сокращением промысловых угодий, подвижностью хозяйственных границ и постепенным заселением территорий скольтов норвежскими саамами.

Ключевые слова: российско-норвежское пограничье, Крайний Север, фронт, граница, саамы, скольты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: k.zaikov@narfu.ru (К.С. Зайков), n.avdonina@narfu.ru (Н.С. Авдонина)